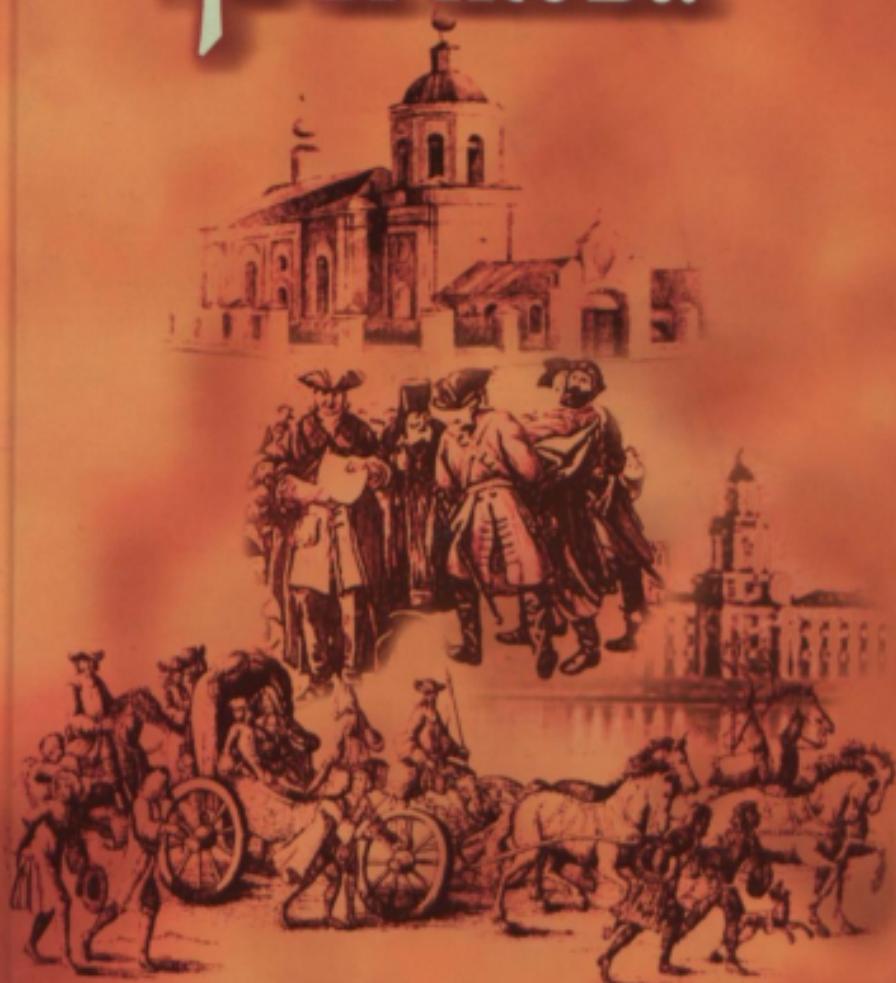

ОР 84
Ч-84

Иван
Уханов

Сокровища Фасессора Рычкова

Иван
Уханов

Сокровища Фасессора Рычкова

Проза
Публицистика

Москва
ГОЛОС-ПРЕСС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
2005
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.К. КРУПСКОЙ"

КТО ХОЧЕТ, ТОТ И МОЖЕТ

*Живи, гуляй, ребята,
поколе Москва не
проводала.*

Поговорка уральских казаков

«Так где же ставить город?» — этот вопрос почти два года озадачивал чиновников Оренбургской комиссии. Отвергнув выбранное Татищевым место — Красногорское урочище, они обсуждали два новых проекта: первый предусматривал застройку города на верху горы, «поставя за резон, что на горе воздух лучше и место виднее», второй предлагал вести ее на ровном месте, в двух verstах от горы. В итоге решили: на горе построить цитадель, а на равнине — город.

1 августа 1741 года при богослужении и пушечной пальбе Оренбург был заложен. Вторично.

Но стройка опять не пошла. Ее приостановили до прибытия в Оренбургский край нового командира, который вскоре же по высочайшему Указу незамедлительно явился. Это был Иван Иванович Неплюев, опытный дипломат и администратор, в недавнем прошлом главный командир Петербургской судостроительной завои, русский резидент в Константинополе, генерал-губернатор в Малороссии. По донесу придворных интриганов он был отстранен от губернаторства, арестован, лишен имущества и всех наград, пожалованных ему еще Петром Первым. Взойдя на престол, Елизавета Петровна вскоре же убедилась в невиновности Неплюева и освободила его.

Чуть позже, вспоминая об этих событиях, Неплюев писал: «В начале 1742 года прислан мне приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был на колена пред церковью в то время, когда императрица Елизавета Петровна проходила в оную; она изволила, остановясь, возложить на меня орден св. Александра Невского и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дщерь государя, мною обожаемого, в славе ей принадлежащей и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл все минувшее и желал ей от истинной души всех благ... Потом сделал я визиты всем знатным благодетелям. Старый мой благодетель Григорий Петрович Чернышев принял меня как родного и все силы употребил к защищению моей невинности. Чрез несколько дней сде-

ланы мне от Сената повестка, чтоб я в оный явился, где мне объявлен именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром».

Придворным завистникам не удалось очернить заслуженного человека, отмеченного самим преобразователем. Но, как известно, клевета наносит удары и достойным людям: в Оренбургский край Неплюева посыпали, чтобы отдать от двора.

В это же время Иван Иванович претерпел и другие невзгоды.

На 46-м году жизни он овдовел, оставшись с четырьмя детьми. Перед отъездом из Москвы в Оренбург Иван Иванович женился на 23-летней девице Анне Паниной. Молодая жена пришла в отчаяние, когда вскоре же после свадьбы узнала о назначении мужа. Дочь дворянина, она никак не хотела покидать светское общество старой русской столицы и ехать с мужем в «замаскированную ссылку». Она заливалась горькими слезами, будто предчувствовала свое трагическое будущее. И действительно, через три года она, как засвидетельствует в своих записках Неплюев, умрет в Орской крепости от тоски...

В «Истории Оренбургской» Петр Рычков повествует, что, возглавив Оренбургскую комиссию, тайный советник Неплюев первым делом решил выстроить Оренбург. Только не на Красной горе. «Столь знатному и большому городу способнее и пристойнее быть близ устья Сакмары-реки, где Бердская крепость застроена, яко тут место пространнее, ровнее, как водою, так и лесом и лугами и всякими к строению потребными припасами пред Красногорским гораздо довольнее, к российским хлебным жительствам ближе, и ко всем новопостроенным крепостям, стало быть, в середине...»

Прежний Оренбург, называемый оплотом России на востоке, представлял собой крепость, окруженную забором из плетня и земляного дерна. Бывший петровский боевой офицер Неплюев с усмешкой обозрел сию цитадель, которую его предшественники Кирилов, Татищев и Урусов отваживались навещать лишь раз или два в году. Обычно летом и под охраной многочисленного отряда. Зимой же вся линия крепостей, так называемая Ново-Московская дорога, тянувшаяся от Оренбурга до Самары, лежала в глубоких снегах — ни пройти, ни проехать.

В мае Неплюев отправил в Правительствующий Сенат проект-предложение о новой застройке Оренбурга и, не дождавшись ответа, начал вести подготовку к ней. Осенью

из Петербурга пришел ответ: указ Сената от 21 октября 1742 года санкционировал застройку города близ места, где встречался Яик с Сакмарой.

Всю зиму шли подготовительные работы. Сотни ремесленников и ссыльных людей стекались к месту будущей стройки. Обозами везли из Башкирии древесину, с яицких берегов и орских угорий — камень, гальку, яшму. С рудных заводов — листовое железо, литье.

19 апреля 1743 года при торжественном молебствии и артиллерийском салюте город был заложен в третий раз — на том месте, где он стоит поныне.

Стройка велась ускоренно, под круглосуточным воинским караулом. Окрест рыскали отряды киргиз-кайсаков, нападали на русские поселения и обозы, захватывали в плен женщин и детей, находившихся без охранения на сенокосе или жатве хлебов. Разбойничим налетам подверглись крепости Сорочинская и Новосергиевская, Илецкий городок.

Неплюев, крайне занятый стройкой, вынужден был искать встречи с Абул-Хаиром, с которым он еще не успел познакомиться. Он направил к хану посла с дарами и пригласил в гости. При встрече Неплюев потребовал от Абул-Хаира объяснить вероломства, чинимые его людьми, попросил подтвердить подданство новой императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого. Хан присягнул на Коране и, увешанный дорогими подарками, удалился в казахские степи.

Осенью на строителей навалилась цинга, из 1350 человек 630 умерло. Несмотря на трудности и замешательства, Оренбург спешно строился, и уже до заморозков новопоселенцы и воинский гарнизон были введены в теплые дома и казармы. Все лето до октября Неплюев наравне со всеми жил в землянке, только своей 12-летней дочери Анне выделил кибитку. Он лично руководил всем строительством, наказывал нерадивых, жаловал умелых, корректировал проект, не изменяя его основы. По тому времени Оренбург раскинулся на довольно внушительной территории. Ширина города равнялась 570 саженям (более километра), а длина — 677 саженям. Город окружили рвом и валом с десятью каменными бастионами по углам. Наружная часть вала была облицована плитным камнем. На бастионах стояли пушечные батареи. Вооруженная стража охраняла четверо городских ворот: Сакмарские, Яицкие, Губернские и Орские.

Уже в сентябре 1747 года в Оренбурге насчитывалось 837 дворов, четыре церкви, гауптвахта, аптека, госпиталь,

пороховые склады, провиантские и соляные магазины, таможня, 44 лавки в каменном Гостином дворе и 131 лавка на Меновом.

По описанию Рычкова, Меновой двор, на котором с азиатскими народами все лето до глубокой осени торг имена производились, был построен на южной степной стороне Яика, в двух верстах от города, «ибо ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоечное. Для въезда и выезда сделаны двое ворот со сводами... Большая часть того Менового двора покрыта уже листовым железом, а остальные лавки покрывают. По углам, которые на степь, сделаны две батареи и поставлены на них пушки. В рассуждении размеров и красоты этого строения можно объявить, что внутри государства для купечества столь великое здание едва где имеется ль».

В январе 1744 года Неплюев выехал в Петербург доложить о всех оренбургских дела, осложняемых нехваткой ремесленников, купцов, строителей, а также фарисейским поведением Абул-Хаир-хана, якобы не ведавшего о бесчинствах, творимых его соплеменниками. На основе предложений Неплюева Сенат подготовил доклад, который 15 марта 1744 года императрица утвердила резолюцией: в вышеупомянутом городе Оренбурге быть губернии и именоваться Оренбургскою; и быть в ней губернатором тайному советнику Неплюеву.

Из Москвы домой Неплюев и Рычков возвращались на лошадях через Арзамас, где их задержала сильная расputница. Не дождавшись конца водополицы, первый оренбургский губернатор и его ближайший помощник, сменив санную повозку на колесный экипаж, выехали в Оренбург. Их потрапили недобрые вести: вспыхнул конфликт между казачьим атаманом и старшинами Яицкого войска, заново всколыхнулась по весне башкирская вольница...

— Капризный народ, однако, — сказал Неплюев, рассуждая о башкирах. — Самоохотно подданство принял и сам же оное порочит. Что ему надобно?

— Степного коня на привязи долго не удержишь, — заметил Рычков.

— А кто держит? Узды на них никакой нет. Да и скакать от родных мест незачем.

— Яицкие казаки тоже весьма вольны, а распри, возмущения среди них не унимаются.

— Излишняя воля, говорят, и добрую жену портит, — заметил Неплюев. — О междуусобицах в Яицком войске давно я наслышан, но хочу сам побывать в нем. Чего бы делить яицким казакам: и земли, и воды не мерено.

— А разве малороссийские казаки дружнее живут?

— Малороссийские да и соседи их запорожские казаки в целом исправны в службе, но у них те же несовершенства и тяготы... Земледельцы всюду одинаковы: норовят они вольных казаков, приохоченных к земле, в своих подданных либо в крепостных превратить. А те жалобы, иски пишут, а то прямо за границу уходят, чем немалый вред государству причиняют.

Намерение Неплюева разобраться в беспорядках, творящихся в Яицком городке, в войске яицких казаков совпало с поступившим из Военной коллегии поручением ответить на следующие вопросы: «1. На каком основании яицкие казаки поселены там, когда и кем изначалес даны им вольности и жалованные грамоты, и впредь как их содержать с собственной пользой? 2. Когда и как оно (Яицкое войско) в здешних местах завелось и утвердились, так как раньше никаких обстоятельных известий о том не бывало и нет?»

Неплюев понимал, что заниматься внутренним устройством новой губернии невозможно, не обезопасив ее от внешних врагов, то есть не укрепив казацкое войско, которое охраняло ее юго-восточные границы. Вскоре он и выехал в Яицкий городок, по обыкновению пригласив с собой Рычкова, знатока тамошних мест.

В дороге Иван Иванович много расспрашивал о казаках. Рычков располагал завидным багажом «обстоятельных известий» о них. К тому времени он вчерне уже закончил «Историю Оренбургскую», использовав для ее написания древние летописи, предания, рассказы казаков-старожилов, личные наблюдения.

— Историки мнят, что донские и запорожские казаки в прошлом выходцы из беглых людей. Подобные же прародители, видимо, и у яицких казаков?

— Да, стариные летописи подтверждают, что предками наших тутовых казаков были вольные или беглые люди с Дона, — рассказывал Рычков. — В устье Яика и прикаспийских стенах они впервые объявились еще в пятнадцатом веке, когда в здешних местах кочевали татары Золотой Орды... Что далее, то более людство их умножаться стало приходом с Дону и из других великороссийских городов... О сем у меня большой трактат написан...

Впоследствии Неплюев встретит в Петербурге книгу Рычкова «История Оренбургская» и найдет в ней сведения, которые ему помощник его сообщил, едучи пыльной дорогой в Яицкий городок.

По Рычкову, казаки для своего житья выбрали поначалу место при урочище, называемом Коловоротное, «от нынешнего их городка расстоянием вниз по Яику-реке шестьдесят верст. Тут наделали они для житья своего землянки, а для обороны от неприятелей небольшой ров. Оставшиеся от Золотой Орды татары, ненавидя, что они в их местах заселились, подъезжали к их кибиткам вочные времена на лодках, кибитки их ломали, пожитки грабили, а жен и девок к себе увозили».

Казаки не могли противостоять многотысячным татарским ордам и, натерпевшись от них всяких бед, обратились к русскому царю Михаилу Федоровичу с просьбой: «дабы он, великий государь, их, казаков, милостиво принял под царскую свою державу, обещаясь служить ему, великому государю, и наследникам его». Казаки отправили в Москву послов, «объявив через них о всех своих обстоятельствах, прошли у его царского величества милостивой защиты». Царь Михаил Федорович «пожаловал им грамоту на реку Яик с находящимися при ней реками и протоками и со всякими угодьями, от вершин той реки до устья, и чтобы им на той реке жить и владеть, и великому государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми».

Эту драгоценную грамоту казаки не сберегли, она сгорела при пожаре, поэтому от каждого русского царя, вступавшего на престол, они обычно просили новую грамоту, подтверждающую их права.

Рождение же Яицкого городка — столицы казачьего войска — Рычков по времени относит примерно к концу XVI века. На основе известий яицких старшин он повествует, что одна из основных казачьих общин произошла от бывших на Каспийском море удалых людей, предводительствовал которыми донской казак Нечай. Набрав восемьсот человек себе подобных, он с этой грозной ватагой спустился на судах вниз по Волге к морю, где долгое время промышлял грабежом караванов персидских и армянских купцов. Но однажды буря разбила многие суда казаков, а оставшиеся занесла в устье Яика. Нечай поднялся вверх по незнакомой реке и при впадении в нее степной речки Рубежной облюбовал удобное место, где в 1584 году застроил селение, что в сорока верстах выше будущего Яицкого городка.

Поотдохнув и собравшись с силами, Нечай вскоре повел свою дружины в далекую Хиву в надежде захватить там легкую добычу. Ему поначалу повезло: хивинский хан со всем своим войском находился в отлучке, ведя войну с бухарцами. Нечай быстро завладел городом и его богатствами, взял себе в жены хансскую жену. Как пишет Рычков, «Нечай и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, сильно полюбив его, Нечая, советовала ему: если он хочет живот своей спасти, то должен он со всеми своими людьми заблаговременно из города убираться, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он, Нечай, той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил, и в пути, будучи отягощен многочисленной и богатой добычей, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего похода и видя, что город его Хива разграблен, нимало не мешкая со всем своим войском в погоню за ним, Нечаем, отправился, и через три дня настиг его на реке, именуемой Сырдарья, где казаки через горловину ее переправились, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими, хотя и храбро оборонялся и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, которые, уйдя от того побоища, в войско яицкое возвратились и о его погибели рассказали...

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки Чаган, на то третье место, где ныне яицкий казачий город находится».

Войско представляло собой несколько общин древневечевого устройства, где все, как в старину на вече, имели право голоса, хотя и было выборное начальство — атаман, которому позволялось вести повседневные дела, суд и расправу над повинными казаками. Атаман и его помощники — старшины избирались из авторитетных казаков. Все важные дела решались сообща в Войсковом кругу. Определенного срока службы у казаков не было, недаром они называли себя вольными людьми.

Но такая их самостоятельность вредила общим задачам государства. Вот почему русское правительство с начала XVIII века стало ограничивать права и волю казаков, требовать повиновения самодержавной власти. Петр Первый, не желая видеть какую-либо часть государства независимой, удалившись от центрального руководства, издал указ, по которому Яицкое войско с 10 марта 1721 года было передано в ведомство Военной коллегии с одновременным подчинением астраханскому губернатору. При образовании в 1744 году

Оренбургской губернии яицкие казаки по всем внутренним делам и распорядкам стали подчиняться непосредственно Неплюеву.

Военная коллегия стремилась пресечь казачье самоуправство, реорганизовать сам строй Яицкого войска, объединив в нем все общины, превратить его в боевое подразделение русской регулярной армии. Казаки же слышать не хотели о солдатчине, уставных требованиях, которые бы нарушили их вольные обычай и нравы. Особое возмущение у них вызвало намерение Военной коллегии произвести в общинах перепись населения, якобы ради общей пользы войска: жалованье отпускалось всего на 600 человек, хотя казаков было в несколько раз больше. Перепись помогла бы установить точную численность войска и соответственно увеличить сумму жалованья. Однако казаки всячески уклонялись от переписи, страшась того, что затеяна она ради введения рекрутчины. Их тревожило всякое административное вмешательство Москвы. Казаки просили не заселять их земли самарскими и симбирскими дворянами, как предусмотрел в своем проекте Татищев. Они опротестовали этот проект в своей встречной просьбе к правительству. «От такого заселения мы придем в крайнюю нищету и разорение и рыбные наши промыслы, от которых все свое содержание и пищу имеем, и службу отправляем, вовсе уничтожатся...»

Противясь всякому нововведению, они упрямо твердили: «Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано от царя Михаила Федоровича право служить казачью службу по своему обыкновению» (то есть по-старому. — И.У.).

Или: «Не бывало сего при наших дедах и отцах, не бывать и у нас.»

Осуждая новые порядки, казаки, однако, видели, что вечевой строй их общин устарел. Козни и междуусобицы расшатывали войско. Казацкие старшины взимали с простых казаков немалые деньги за право рыбной ловли, наживаясь за счет бесконтрольных поборов.

Не менее грабительским оказалось прибытие к яицким казакам в середине XVII века астраханских купцов Гурьевых. Эти предприимчивые гости перегородили реку «учугом», сколоченным из деревянных свай, шестов и плетней. Поднимаясь с моря вверх по течению для нереста, осетры, белуги, сазаны натыкались на эту перегородку, теснились здесь большими стадами. Рыбу вычерпывали из воды специальными лопатами и сачками. Московское правительство, не вникнув в суть этого прибыльного спо-

соба рыболовства, опрометчиво выдало купцу Михаилу Гурьеву грамоту, говоря сегодняшним языком, патент на его изобретение и обязало построить на берегу защитный городок. В 1640 году он был построен и назван Гурьевом. Гурьевский учуг был своего рода огромным браконьерским сооружением, красная рыба не могла подняться в верховья на нерест, река за какие-то десятилетия заметно обезрыбела. Яицкие казаки, встревоженные и озадаченные, обратились прямо к императрице с жалобой на то, что «астраханские гости оголодали все войско».

Неплюев еще в 1743 году в своем донесении в Сенат вступил за казаков, признав их жалобы справедливыми. В итоге заселение дворянами земель по нижней части Яика отменили, а гурьевский учуг был отворен для прохождения рыбы из моря вверх по реке и передан в пользование казакам.

Военная коллегия же по-прежнему смотрела на Яицкое войско как на пограничную военную силу и искала всякие способы для дальнейших ограничений его самостоятельности. Не случайно она поручила Неплюеву заняться вопросами прямо-таки следственного характера.

Прибыв в Яицкий городок, Неплюев, по совету Рычкова, прежде, чем чинить команды и распоряжения казакам, начал собирать мнения о всех обстоятельствах их прошлой и настоящей жизни. Многое уяснил для себя первый оренбургский губернатор из бесед со старшинами, с войсковым атаманом Андреем Бородиным и с бывшим атаманом Ильей Меркуревым, у которого отец, Григорий Меркурев, тоже был атаманом и, дожив до ста лет, умер в 1741 году.

«Все оное войско, — писал Неплюев, — содержание и пропитание имеет и к службе ее императорского величества надлежащую справу получает от рыбных в реке Яике ловель. И для того отъезжают они из городка в год по четырежды: 1. Весною в апреле и в мае месяцах, и продолжаются по июль, а отоль прибывшие ходят за хлебом в Самару и в Сызрань, так как у них при Яицком городке пашен не было, и нет; дай быть едва возможно ль; ибо земля весьма сухая, глинистая, или песчаная, и к пашне видится неудобная. 2. Октября с 1 числа начинается у них называемая осенняя плавня, в которой бывают недели по четыре. 3. Ноября с 25 числа довят неводами, и притом недели по три продолжаются. 4. Января с 1 начинают они так именуемое багрение, кое марта до 1 числа продолжается, а потом снова в помянутые города за хлебом и прочими надобностями отъезжают. Все эти ловли, начиная неподалеку от городка их (под

которым для того, чтобы рыба вверх не уходила, сделан и всегда содержится учуг, то есть перебой, поперек всего Яика), производят вниз по реке Яику верст на 500 и более; и понеже будучи они на тех своих промыслах все с их оружием, находятся между форпостов, то оные их промыслы и к осторожности, если бы нужда позвала, способствуют. В городке же, во время отлучки их на те промыслы, для осторожности и караулов оставляют они из действительно служащих по 300 человек, кроме отставных и малолетних, и тех казаков, которые своевольно в домах остаются; сверх того из них же в осеннее время человек по 500 и более ходят на звероловство, и бывают в степных местах лисиц, волков, корсаков и кабанов, от чего также имеют свои доходы, а некоторые, езди в Оренбург на ярмарку, по возможности торги и купечество производят».

Эти описания Неплюева Рычков дополнил в своей «Топографии Оренбургской» многими любопытными деталями и подробностями. Обойдя городок и его окрестности, он составил точное описание всего увиденного, произвел, так сказать, словесную съемку объектов. Рычков помнил наставления Татищева, что живая, основательная география — это описание явлений в их историческом развитии, это всеохватывающее уведомление о естественном, политическом и экономическом состоянии описываемой территории. Почти каждую страницу своих землеописаний Рычков насытил историческим содержанием и этнографическим толкованием. Сообщив, что от Оренбурга до Яицкого городка 269 верст, что в нем около трех тысяч дворов, Рычков далее весьма здраво представляет читателю местоположение. «Улицы в нем по большей части тесные и некоторые так узки, что двум телегам разъехаться почти невозможно. Что до укрепления принадлежит, то в 1744 году все жило с одной стороны от реки Чагана к старому течению Яика двойным плетнем обнесено, между которого насыпана земля и укреплено столбами, а снаружи весь тот плетень обмазан глиной, а вокруг всего сделан ров...»

Еще во время прошлых наездов в городок Рычков описал и теперь передал Неплюеву табель численности и вооружения Яицкого войска, размеры денежного жалованья казаков, вполне обоснованно рассудив, что содержат они себя в основном рыбным промыслом, а не мизерным жалованьем.

Примечательно, что одни и те же сведения о яицких казаках Неплюев и Рычков излагали своеобразно. Первый как администратор — скромно, канцелярски-деловито. У Рычкова обозреваемая картина как бы оживает в красках и деталях.

Выше приведен отрывок из экстракта Неплюева о рыболовецком промысле яицких казаков. А вот как о том же писал Рычков: «Великое множество рыб в реку Яик заходит из Каспийского моря, и предполагают, что они в Яике не плодятся, ибо никогда не случается, чтобы осетра или белугу в реке величиною меньше четверти аршина поймать... Белуга и осетры в реке Яике вкусом гораздо лучше волжских, но вверх по той реке до Оренбурга весьма мало их заходит, а ловят их яицкие казаки по большей части ниже Яицкого казачьего городка, летом неводами, что называется по их плавленье, а зимой баграми, отчего эту ловлю и именуют они багренъем. Оное чинится у них весьма особым образом, а именно: так как эта рыба на зимнее время ищет всегда глубоких мест, где ложится стадами и рядами, так что от самого дна до льда одна на другой стоит, и воды между рядами их не бывает более как на ладонь — и такими своими стадами занимает глубокие места или ямины, по версте и больше, которые места яицкие казаки, зная, присматриваются к ним, узнав точно, где рыба лежит, в войске атаману и старшинам объявляют, а от них крепкое наблюдение чинится, чтобы в тех местах до уроченного времени никто не ловил и рыбы бы не тревожил.

Когда же к багренью назначенный день придет (что обыкновенно бывает у них после Рождества Христова), то все яицкие действительно служащие и жалованные казаки (ибо отставных и неслужащих к багренью не допускают) собираются к войсковой канцелярии на лошадях, запряженных в сани; и когда дается сигнал выстрелом из пушки, то каждый из всей мочи скакет на то место, где багренью быть, и, прискакав, пробив прорубь, багрит. А когда зацепит большого осетра или матерью белугу и одному из воды вытащить невозможно, то в таком случае в помощь призывают ближних, которые, увеличив прорубь, помогают вытащить, и ту рыбу сообща продают». Свежую, соленую и вяленую рыбу казаки отправляли в Москву и в другие великороссийские города. Зимой, во время багренья, к ним наезжало много купцов и промышленников, прямо на берегу скупали рыбу или меняли ее на хлеб.

Казаки, живущие в городке, имели в его окрестностях хутора, где выращивали лошадей и разный скот. «Садов и всяких огородных овощей у них довольно, но и это гораздо бы могло размножено быть, если бы яицкие обыватели употребляли к тому лучшее и прилежнейшее старание, ибо климат у них гораздо теплее оренбургского. В лесах не только

строевых, но и на дрова имеется там недостаток: и что принадлежит до строения, то потребное к тому достают из дальних мест, большей же частью из верховья Яика и Сакмары рек», — свидетельствовал Рычков.

Подробнейше ознакомясь с бытом и служебной администрацией казацкого войска, Неплюев, как и Татищев в свое время, обнаружил «великие беспорядки». В войске не было штата, должностных лиц, не велось почти никакой письменной документации, все зависело от произвола выборных казаков, разделившихся на враждующие группы.

Неплюев определил штат, ввел строгую субординацию. Все войско было разделено на семь полков, по 500 человек в каждом полку (станице). Полку полагалось иметь знамя, полкового старшину или станичного атамана, есаула, пять сотников, писаря и табель-список казаков в двух экземплярах, один из которых должен находиться у войскового атамана. Полкам велено было строже нести службу по охране западных и юго-восточных границ губернии от нападения калмыков и киргизов, которые нередко проникали в ее глубины и чинили разбои. Неплюев приказал назначить казачьи разъезды по определенным маршрутам в виде встречного патрулирования от крепости до крепости, укрепить форпосты и редуты, снабдив их противопожарным инструментом. Войскому атаману раз в год посыпал в станицы ревизора для контроля за расходованием жалованья. Занимаясь рыбным и охотничим промыслами, казаки обязаны были блюсти высокую бдительность, держать оружие наготове, не пьянствовать в праздности, а приучать себя к хлебопашеству. За верную службу назначалось годовое жалованье: атаману 24 рубля, есаулу и писарю 12 рублей, казаку 1 рубль 50 копеек. Это была все же некая прибавка к казачьим доходам от их личного подворья и промыслов, если учесть, что по тогдашним ценам пуд коровьего масла стоил 1 рубль 20 копеек, ведро вина — 1 рубль, ведро пива — 12 копеек, аршин сукна — 2 рубля, парчи — 4 рубля 50 копеек.

Возвращаясь из Яицкого городка в Оренбург, Неплюев и Рычков навестили илецких и самарских казаков, где сделали необходимые распоряжения с учетом особенностей их местожительства и обычая. Дело в том, что Сакмарский казачий городок, как уведомляет Рычков, был сходцами из Сибири в 1720 году «построен на высоком и прекрасном месте» близ реки Сакмары. Жившие в нем казаки, помимо рыболовецкого промысла, знали земледелие и животноводство, оттого были намного покладистее и хозяйственнее

яицких: о набегах на иноверцев не помышляли, обычно полагаясь благополучие себе добывать прежде всего хлеборобским трудом.

— На здешних землях урожай ячменя, овса и особливо ржи при настоящем рачении могут быть гораздо выше. Золото и серебро азиатских купцов нам сподручнее хлебом оплачивать, о чем еще великий император нас наставлял. — Во многих своих административных распоряжениях Неплюев Петру Первому следовал, зачастую ссылаясь на него как на образец благодеяния.

— Но ведь и Петр Великий хлеб велел за границу отпускать токмо тогда, когда его вдоволь и он дешев внутри России будет. Но полны ли наши закрома? — рассуждал Рычков.

— О том и речь, что земли тут много плодородной, но немалая ее часть впусте пребывает. Петр Алексеевич же взаправду одно время запрещал вывоз хлеба из державы, а после урожаев и улучшения землепашства опять в 1717 году дозволил хлеб за море вывозить, с пошлиною со ржи и ячменя по полуефимку с четверти...

Оглядывая строения в крепостях и селениях, Неплюев подчас сердито замечал:

— Все оное не из леса, а сподручнее из камня возводить. Извести, песка, глины, скального камня, речной гальки у нас тут повсюду видимо-невидимо, а мы из Башкирии лес возим да по берегам рек срубаем, великого Петра императора указы грубейши нарушаем. А ведь как он о лесах радел! Это при нем впервые стали не рубить, а пилить лес, да еще с таким замером, чтоб менее десяти сажен дерева не трогать. Тем самым он молодые леса от порубок берег. Заповедные места учинил. На дрова разрешал токмо еловый, осиновый лес рубить да валежник. А к дубу, ясеню, липе, вязу чтоб не прикасаться. Побывав на осмотре нижегородских и казанских лесов, определил жестокое наказание за их рубку, штрафы, учредил штатных смотрителей за лесами. За самовольную порубку дубов, помню, одного мещанина едва не до смерти забили розгами, а муромского купца в тюрьму посадили.

— Строгость и правоту свою государь мог силою указа утвердить, но столько ли власти у нашей губернской канцелярии и у вас, губернатора?

— Не в силе Бог, говорят, а в правде. Хоть как горька правда, но не тай перед ним, скажи, как есть, и государь, сие по личному опыту знаю, всегда оценивал открытую к нему душу.

— Счастию вашему всегда завидую, что видеть и слышать великого государя вам довелось, — признался Рычков.

— Человек он был такой, что каждая встреча с ним молода в памяти, — светлея лицом, рассказывал Неплюев. — Вот был случай, когда вместе с юными гардемаринами я из-за границы возвратился, где мореходному делу мы обучались. Государь Петр сам у нас экзамены принимал по приезде в Петербург. Подошла и моя очередь испытание пред ним держать за всю полученную в загранице науку. Спрашивает меня государь: «Всему ли ты научился, для чего был послан?» Многие норовили обходить государя ответами своими. А я вытянулся пред ним в струнку и говорю: «Всемилостивейший Государь, прилежал я по всей моей возможности, но не могу похвастать, что всему научился, и прошу, как перед Богом, Вашей ко мне щедроты». Сказав так, пал я перед ним на колени. Государь дал поцеловать правую руку свою и, показав на ладонь, сказал мне: «Видишь, братец, хоть я и царь, да у меня на руках мозоли, а все оттого, что показать вам пример норовлю и достойных помощников и слуг Отечеству иметь желаю».

Неплюев не раз рассказывал Рычкову о том, как потрясла его смерть Петра Первого. Это «плачевное известие» он получил, находясь в качестве резидента в Константинополе, выражив душевное состояние в своих дневниковых «Записках»:

«Я омочил ту бумагу слезами, как по должности моем государе, так и по многим его ко мне милостям, не лгу, что был более суток в безпамятстве; да иначе бы и мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне, собственно, сверх вышеописанного был государь и отец милосердный».

С РОССИЙЦАМИ ПОСВОЯСЬ

*Дом согревает не очаг,
а согласная жизнь.*

Пословица

— Всех пальцев у человека не хватит, чтобы сосчитать народы, в нашем крае ныне проживающие. И каждый норовит поболее тепла и благ иметь, вот каждый и тащит на

себя одеяло. Отчего обиды, распри тут часто случаются. Ну, разве ж обижены в сравнении с другими башкиры, что сызно-ва возмущение затеяли? Как весна, то бунт у них, — негодовал Неплюев после встречи с башкирской делегацией, которая требовала отмены подушного налога, только что введенного императрицей Елизаветой Петровной.

— Но ведь и к русским земле-пашцам такой же закон применен. Вдбавок наши еще другие подати несут и от рекрутской повинности не освобождены в отличие от башкирцев, — недоумевал Рычков.

— Однако недовольны, депутатию прислали, мятежом грозят. Но уповаю, сие не от простого люда исходит, а от начальства их. И тут надлежит спокойствие нам проявить. Выехать в башкирские селения и разъяснить благотворящую суть указа нашей императрицы.

Из Оренбурга в Уфу вскоре был послан полуторатысячный отряд генерал-майора Штокмана и полковника Люткина. Сам Неплюев внезапно заболел, вместо него с отрядом поехал Петр Рычков.

— Обойтись без кровопролития, применяя силу слова, — наставлял Неплюев. — Ясак башкирцы должны уплатить по разумению и закону как подданные.

Без кровопролития все же не обошлось. В деревне Черемижской русских делегатов встретили четыреста вооруженных башкир. Отвергнув предложение о переговорах и приказ секунд-майора «Разойтись!», они атаковали русский отряд. В бою башкиры потеряли семьдесят человек убитыми и около ста ранеными.

Озадаченный Неплюев послал нарочного с приказом войску действовать не спеша, без применения оружия, рассыпая по деревням увещевательные грамоты. Постепенно башкиры поутихли, выплатили ясак, жизнь в крае вошла в мирное русло.

Послушать, почитать Неплюева, Рычкова, других русских «колонистов», и сразу же поймешь, что никакими колонистами они не были, поскольку освоение степного края старались вести добром и миром. К этому, если вспомнить документы и поразмыслить, призывало и правительство, назначая управителями вновь приобретенных провинций и подданных народов в большинстве самых лучших людей империи — строгих, справедливых, образованных администраторов. Таких, как Кирилов, Татищев, Неплюев, Перовский, Муравьев-Амурский, Черняев...

А сколько было издано царских грамот и указов об охранительных мерах для аборигенов! Русские поселенцы органично врастали в иноплеменную среду, завязывали с башкира-

ми, казахами, калмыками, татарами хозяйственными, дружескими и даже родственные отношения. Браки русских с инородцами казались привычным делом, приветствовались и одобрялись. Рычков, например, советовал русским парням жениться на туземных девушках, а туземным парням жениться на русских девушках, «ибо они (туземные жители), посвоясь с российцами, к земледелию гораздо могут быть склоннее и полезнее как для себя, так и для общества». То есть говорить об угнетении русской нацией других народов, о некоем «народе-господине» нет оснований. Хотя, конечно, взаимоотношения между русскими переселенцами и коренным населением складывались не без трудностей и противоречий, взаимных обид и злоупотреблений. Но виноваты в этих расприях и столкновениях меньше всего были русские переселенцы-хлебопашцы, откликнувшись на призыв ехать и занимать «свободные земли» на Урале и в Сибири: они ни в чем не стесняли кочевое население, земли всем хватало — и для поселков, и для пастбищ.

Осложнения стали возникать позже, когда площади свободной земли начали уменьшаться, а цены на нее — повышаться. К тому же на смену талантливым и честным первоустроителям Оренбургского края прибывали алчные чиновники, хищные коммерсанты. Они скупали, а то и отбирали землю как у туземного населения, так и у русских колонистов и по спекулятивным ценам перепрода-вали ее. Крестьян, прибывавших из внутренних губерний на «свободные земли», повсюду настигало крепостничество, которое было нисколько не легче колониального гнета.

И все же словом «колонизаторы» нельзя характеризовать весь разнообразный контингент русских поселенцев в том смысле, в каком обычно оно применялось к колонизаторам вообще. Для сравнения вспомним, что до прихода англичан в Северную Америку там проживало более двух миллионов индейцев. К началу нынешнего столетия их осталось менее двухсот тысяч, оттесненных в малоудобные для жизни места. Да и как тут не вспомнить узаконенную охоту на индейцев, установленную цену за их скальпы?! Туземцев истребляли, как зверей и птиц.

В Оренбургском крае, в целом на Урале, а также в Сибири, наоборот, XVIII и XIX века отмечены ускоренным ростом численности коренного населения, особенно башкир и татар. Нуждаясь в людях — в хлебопашцах, воинах и рабочих, — Русское государство проводило по отношению к иноверцам охранительную политику, поощряло, правда,

в меру и ненасильственно, крещение калмыков и татар, всячески старалось превратить своих вчерашних врагов в верноподданных слуг. После падения Казани, например, первому назначенному туда архиепископу наказывалось «страхом к крещению отнюдь не проводить, а проводить только лаской». Кстати, когда раздался призыв Минина и Пожарского освободить Москву от поляков, тысячи татар и мордвойцев добровольно влились в русское ополчение.

Петр Первый в воинском уставе предписывал своим военачальникам и солдатам: «Каковой ни есть веры или народа они суть, между собой христианскую любовь иметь». Татищев в Горном уставе подчеркивал необходимость обучения иноверцев не только профессиональному мастерству, но и русской грамоте, рекомендовав в школы и созданное им Екатеринбургское горное училище принимать всех наиболее способных юношей «несмотря его рода... равно как русских...» и «языка же всякого учиться не воспрещать, но паче к тому поохочивать». В Самаре Татищев создал первую татаро-калмыцкую школу, ее возглавили «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и преподаватель восточных языков Махмуд Абдурахманов. Татищев советовал грамотных мурз приравнивать к русским дворянам, а простому народу «ласкою и толкованием» разъяснять хотя бы утилитарную пользу ученья: грамотного иноверца русский чиновник обмануть не сможет.

Свидетельства добрых взаимоотношений русских с иностранными приводятся и в «Топографии Оренбургской». Повествуя о том, как купец Твердышев основывал на башкирской земле Воскресенский медеплавильный завод, Рычков писал: «По состоянию башкирского народа, который ничто столь много не уважает, как старинные свои вотчинные земли и отхожие, то есть лесные угодья, а больше всего пчельные бортевые промыслы, беспристрастно можно сказать, что при первом заведении горных заводов, к которым на всякие строения, так же на дрова и уголье, множество лесов необходимо требуется, надобны были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, чтобы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях таких затруднений не было и вновь бы беспокойство не отрыгнуло. Но упомянутый Твердышев с компанейщиком его симбирским же купцом Иваном Мясниковым и с двумя родными своими братьями, не жалея труда, ни изждивения, так искусно честно поступали, что башкирицы, полюбив их, почитали всегда хозяевами и не только никаких помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство

руд, из награждения им объявлять стали; а многие из платы и возкой на завод руды промышлять возохотились; и так познакомившись и подружившись с ними, могли они через одно почти лето первый «свой медеплавильный завод в действие привести, который, построив на реке Тор, впадающей в Белую, от Табынска в 90 верстах, именовали Воскресенским».

Татищев, а затем и Неплюев нередко вступались за беглых, невзирая на их национальные различия. Они не выдавали их, за что подчас получали выговоры из Петербурга. Но кем было заселять край? Купцы и ремесленники в оренбургские степи ехали с большой неохотой, а если и приезжали, то долго не могли приспособиться к суровым условиям края, где одновременно нужно было быть ремесленником, торговцем, воином и землепашцем. Беглые люди — украинцы, русские, татары, раскольники, донские казаки — стекались на берега Яика, спасаясь от крепостного ига, от рекрутских повинностей. Помещики и заводчики внутренних губерний, лишаясь тяглового крестьянства, работников, жаловались правительству, требуя возврата беглых. Правительство издавало грозные указы и манифесты, но они не помогали ни окоротить, ни вернуть беглых.

В своем донесении в Сенат Неплюев настоял, чтобы в Оренбургском kraе беглых не преследовать, поскольку надеяться только на одних ссыльных весьма опрометчиво: за счет преступников, воров и гуляющих девок невозможно в новом kraе упрочить гражданские и социально-нравственные устои жизни, выполнить благоустроительские проекты. По причине нехватки в губернии рабочих рук Неплюев не только не выдавал беглых, но зазывал в край всех, кто мог приехать. Как повествует Рычков, когда в Оренбуржье пожелали переехать казанские татары, «люди торговые и пожиточные», Неплюев не только не воспрепятствовал, но пошел навстречу их требованиям. Освободил татар от рекрутского набора, разрешил им построить мечеть, что, вообще-то говоря, тогда запрещалось. В итоге двести семей казанских татар в 1744 году поселились в восемнадцати километрах от Оренбурга на берегу Сакмары, назвав свою деревню Сейтовой слободой (ныне Татарская Карагала). Поселенцы занялись земледелием, построили водяные мельницы.

Сейтова слобода пригодилась Неплюеву при налаживании торговых связей со среднеазиатскими купцами: он приманивал их к Оренбургу, проводя разные торговые акции через посредничество татар. В 1749 году губернатор докладывал Сенату, что русские купцыtolучили в

Оренбурге от азиатских купцов серебра персидскою монетою 71 пуд 13 фунтов; а с последней половины апреля текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых персидского серебра 418 пудов 22 фунта. Неплюев шлет письма в Москву и Казань, приглашая русских купцов везти свои товары в Оренбург, который в одиночку затрудняется отвечать на поставки азиатских торговцев потребным количеством спросных товаров.

Под знаменем небом на оренбургском Меновом дворе в те годы можно было встретить и бухарского купца в белоснежной чалме, и ташкента в причудливо вышитой тюбетейке, и туркмена в кожаных ичигах и плюшевом чекмене, и башкира в островерхой, с лисьей опушкой круглой шапке... Ржание застоявшихся на привязи коней, резкие вскрики ишаков, пофыркивание и мычание коров, шумное, угробное дыхание молчаливых, утомленных тысячеверстным переходом серо-рыжих верблюдов, разноязычный людской говор — каруселила, пестрила, сутилась, гомонила огромная ярмарка, шел обмен товаров, бурлила купля-продажа, люди общались жестами и словами, стараясь понять друг друга, познакомиться, завести дружбу. Некоторые оренбургские купцы звали в гости купцов из Бухары и Ташкента, а те приглашали, в свою очередь, к себе.

Английский историк лорд Керзон, побывавший у среднеазиатских подданных Российского государства, писал: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова... Он не склоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. Его непобедимая беззаботность делает для него легкой позицию невмешательства в чужие дела; и терпимость, с которой он смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи и местные предрассудки своих азиатских собратьев, в меньшей степени итог дипломатического расчета, нежели плод врожденной беспечности».

Даже своих недавних врагов Россия старалась использоватьrationально, берегла людские ресурсы. Так, Иван Грозный, пленив рыцарей Ливонского крестоносного ордена, поселил их на плодородном побережье Оки. Через несколько лет они обрусили, за исправную службу царь не раз жаловал их наравне с московскими боярами. Как

после Ливонской, так и после Северной войны многие пленные немцы и шведы пожелали навсегда остаться в России. Подобно графу Бонде, о котором рассказано на предыдущих страницах, иностранцы в большинстве своем аккуратно несли военную и административную службу. Важно помнить и то, что в России «бесправие не было уделом только инородцев». Крепостное право в такой же мере являлось «привилегией» русских, украинцев, белоруссов. Русский народ разделял наравне с другими народами одну судьбу. Под одинаковым надзором и давлением находились, копя недовольство, яицкие казаки, башкиры, татары, киргизы и калмыки. Всякое их своеолие, стремление к полной независимости московское правительство пресекало как действия, ослабляющие власть и силу централизованного государства. Мечты о полной свободе толкали подданных к мятежам и восстаниям.

В 1755 году Оренбургский край с молниеносной быстротой охватило восстание башкир под руководством умного, образованного магометанина Батырши Алиева. Он разослал по всем башкирским селениям, а также по многим владениям магометанского Востока воззвания, в которых пророчил великие беды от нашествия на мусульман русского православия. Батыршу возмущало, что «неверные русские крестят мусульман в свою веру, от командиров и генералов никакой милости нет, и неизреченных тягостей терпеть больше нельзя, хуже, что может ли быть, когда из настоящей веры в ложную обращают, ибо каждый человек свою веру любит. Русских, которые насильно из магометанства обращали и мечети разоряли, на весах разума справедливым золотником надобно судить так же, как и мусульман, которые бы христиан в свою веру привели и церкви разорили, ибо все мы рабы императрицы; когда же государынина милость к рабам неровна будет, то легкомысленные люди рассуждали, что впредь уже ожидать нечего: станем и мы веру их ругать и в свою обращать и имение грабить».

Батырша сетовал и на то, что башкирам «из гор и озер соль брать запретили, из городов покупать принудили. Когда некоторые старшины объявили, что из городов брать соль не желают, то командиры брали их, по щекам били, за бороду таскали. В город ехать суда просить народ никакой уже надежды не имеет; которое дело можно было в один день кончить, месяц таскали, а которое в месяц можно было кончить, из взяток год продолжали.

Некоторые злые старшины с народа взятки брали и, напившись пьяны, людей саблями рубили и много обижали, а когда на них суда просили, то не получали».

Возмущался Батырша и тем, что прежде «даром или за малые деньги можно было деготь доставать, который для выделки кож употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велят из городов рыбий жир брать, а вместо двух рублей двадцать издерживаем».

Не все жалобы Батырши были насущны и справедливы, в чем он сам, будучи пойман, признался: «Начал я писать наставительные и разжигательные письма».

Духовные лица поддержали Батыршу, восстание грозило превратиться в крупное вооруженное выступление всего магометанского населения Поволжья, Башкирии и киргиз-кайсацких степей. Требовалось упредить, не дать иноверцам объединиться для борьбы. Неплюев приказал командирам крепостей готовиться к отражению бунтовщиков, послал донесение в Москву с просьбой прислать войско, написал калмыцкому хану прошение, предлагая немедленно двинуть тысячу всадников против киргизов, решивших присоединиться к башкирам. На подавление восстания были брошены три полка из Оренбурга, тысяча казаков из Яицкого городка, четыре полка спешили в Башкирию из Казани.

Опытный петровский дипломат Неплюев использовал в борьбе силу и хитрость. В Оренбурге жил один знаменитый магометанин. Неплюев попросил его обратиться с речью-письмом к татарам и киргизам, образумить их, отговорить от пособничества башкирам, которые ныне могут клясться в верноподданничестве на Коране, а завтра изменить своему же священному слову, а значит, и аллаху. По башкирским селениям были разосланы грамоты за подписью Неплюева, который требовал прекратить мятеж и обещал 1000 рублей за голову Батырши.

При вступлении в зону восстания армейских и казачьих полков и калмыцкой конницы башкиры со своими семьями и 50-тысячным отрядом отступили за Яик, во владения Киргиз-кайсацкой орды. Неплюев послал в орду грамоту, требуя выдать или выгнать беглых башкир. При этом он, по обычаям того времени, разрешал киргизам забрать у бунтовщиков все их пожитки, жен и детей. Это требование оренбургского губернатора было незамедлительно исполнено. В стане иноверцев произошла страшная резня. Силы восставших были расчленены и рассея-

ны. Батыршу поймали его же ближайшие соратники и в августе 1755 года под сильным караулом доставили в Оренбург. После допроса он был отправлен в Петербург и посажен в Шлиссельбургскую крепость, откуда после пятилетнего заключения пробовал бежать, зарубив топором троих стражников, но при этом и сам был убит. Восстание, как все прежние, было подавлено сурово, с излишней жестокостью, что вызвало недовольство центральной власти. Майора Назарова и капитана Тимашева Военная коллегия отдала под суд за чрезмерные кровопролития, допущенные при усмирении бунтовщиков.

Несмотря на то что все восстания заканчивались кровью и казнями сотен и тысяч их участников, башкиры, как и другие подданные народы, не дали превратить себя в крепостных, сохранили вотчинное право на свои земли.

Заботясь о спокойствии на юго-восточных окраинах государства, Неплюев, желая обуздять безграничное свое волею башкир, киргизов и казахов, подчас сталкивал их друг с другом, как умело это учинил при усмирении мятежа Батырши. Сначала он дозволил киргизам напасть и разорить беглых башкир, а потом, когда мятежники вернулись в свои края и обратились к Неплюеву за разрешением отомстить киргизам, генерал-губернатор ответил: «Сие я не могу вам позволить, но если вы без спроса разобьете киргизов, то думаем, что взыску с вас не будет».

ОРЕЛ МУХ НЕ ЛОВИТ

*Музы не такие девки, которых всегда
изнасилничать можно.*

Оне кого хотят, того и полюбят.

М. Ломоносов

Петр Рычков и сам не предполагал, что многие его дневниковые записи, исторические экстракты, географические справки, этнографические и экономические заметки волею случая, а точнее сказать, насущной потребностью времени однажды сольются воедино и составят большое уникальное произведение. Приступая к написанию шестисотстраничной «Топографии Оренбургской», сорокалетний Рычков конечно же не помышлял, что сей труд принесет ему, в то время провинциальному коллежскому асессору, известность, как в России, так и во всей Европе.